

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

22-го августа 1883 года русская литература и русское общество понесли скорбную утрату: не стало Тургенева.

Въ современной русской беллетристической литературѣ нѣтъ ни одного писателя (за исключеніемъ немногихъ сверстниковъ покойнаго, одновременно съ нимъ вступившихъ на литературное поприще), который не имѣлъ въ Тургеневѣ учителя, и для котораго произведенія этого писателя не послужили отправною точкою. Въ современномъ русскомъ обществѣ едва ли найдется хоть одно крупное явленіе, къ которому Тургеневъ не отнесся съ изумительнѣйшею чуткостью, котораго онъ не попытался истолковать.

Литературная дѣятельность Тургенева имѣла для нашего общества руководящее значеніе, наравнѣ съ дѣятельностью Некрасова, Бѣлинскаго и Добролюбова. И какъ ни замѣчательнъ самъ по себѣ художественный талантъ его, но не въ немъ заключается тайна той глубокой симпатіи и сердечныхъ привязанностей, которыя онъ сумѣлъ пробудить къ себѣ во всѣхъ мыслящихъ русскихъ людяхъ, а въ томъ, что воспроизведенные имъ жизненные образы были полны глубокихъ поученій.

Тургеневъ былъ человѣкъ высоко развитый, убѣжденный и никогда не покидавшій почвы общечеловѣческихъ идеаловъ. Идеалы эти онъ проводилъ въ русскую жизнь съ тѣмъ сознательнымъ постоянствомъ, которое и составляетъ его главную и неосцѣненную заслугу передъ русскимъ обществомъ. Въ этомъ смыслѣ онъ является прямымъ продолжателемъ Пушкина и другихъ соперниковъ въ русской литературѣ не знаетъ. Такъ что ежели Пушкинъ имѣлъ полное основаніе сказать о себѣ, что онъ пробуждалъ «добрыя чувства», то тоже самое и съ такою же справедливостью могъ сказать о себѣ и Тургеневъ. Это были не какія-нибудь условныя «добрыя чувства», согласныя съ тѣмъ или другимъ переходящимъ вѣяніемъ, но тѣ простыя, всѣмъ доступныя общечеловѣческія «добрыя чувства», въ основѣ которыхъ лежатъ глубокая вѣра въ торжество свѣта, добра и нравственной красоты.

Тургеневъ вѣрилъ въ это торжество; онъ можетъ въ этомъ случаѣ привести въ свидѣтельство всѣ одиннадцать томовъ своихъ сочиненій. Сочиненія эти, неравноцѣнныя

въ художественномъ отношеніи, одинаково и всецѣло (за исключеніемъ немногихъ промаховъ, на которые своевременно указывала критика) проникнуты тою страшною жаждой добра и свѣта, неудовлетвореніе которой составляетъ самое жгучее больное мѣсто современнаго существованія. Базаровы, Рудины, Инсаровы—все это дѣйствительные носители «добрыхъ чувствъ», все это подлинныя мученики той темной свиты призраковъ, которые противопоставляютъ добрымъ стремленіямъ свое безконтрольное и угрюмое *poppossumus*.

Здѣсь не мѣсто входить ни въ оцѣнку написаннаго Тургеневымъ, ни въ подробности его личной жизни. Первое—дѣло критики; второе—будетъ выполнено его біографами. Тургеневъ имѣлъ въ литературномъ кругу много искреннихъ друзей, которые не замедлятъ познакомить читающую публику съ этою обаятельною личностью. Тѣмъ не менѣе, и изъ личныхъ наблюденій пишущаго эти строки, и изъ того, что было въ послѣднее время опубликовано о Тургеневѣ, можно заключить, что главными основными чертами его характера были: благосклонность и мягкосердечіе.

Конецъ Тургенева былъ поистинѣ страдальческій. Помимо неслыханныхъ физическихъ мученій, болѣе года не дававшихъ ему ни отдыха, ни срока, онъ еще безконечно терпѣлъ и отъ назойливости гулящихъ соотечественниковъ. Въ послѣдніе дни жизни, раздраженіе его противъ праздношатающихся доходило до того, что приближенные опасались передавать ему просьбы о свиданіи, идущія даже отъ людей, которыхъ онъ несомнѣнно любилъ.

Заканчивая здѣсь нашу коротенькую замѣтку о горькой утратѣ, понесенной нами, мы невольно спрашиваемъ себя: что сдѣлалъ Тургеневъ для русскаго народа, въ смыслѣ простонародья? — и не обинуясь отвѣчаемъ: несомнѣнно сдѣлалъ очень многое и посредственно, и непосредственно. Посредственно — всею совокупностью своей литературной дѣятельности, которая значительно повысила нравственный и умственный уровень русскаго интеллигенціи; непосредственно — «Записками Охотника», которыя положили начало цѣлой литературѣ, имѣющей своимъ объектомъ народъ и его нужды. Но знаетъ ли русскій народъ о Тургеневѣ? знаетъ ли онъ о Пушкинѣ, о Гоголѣ? знаетъ ли о тѣхъ легионахъ менѣе знаменитыхъ тружениковъ, которыхъ сердца истекаютъ кровью, ради него? — вотъ вопросъ, надъ которымъ пельзя не задуматься.

Впрочемъ, это вопросъ не исключительно русскій, но и всемірный.